

УДК 811.161.2'42

К.Л. Ковалева

ИСТОКИ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

К.Л. Ковальова

ВИТОКИ ТЕОРІЇ ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ

У статті наведено основні витoki та джерела теорії інтертекстуальності та їх вплив на становлення теорії. Намічаються шляхи уточнення типології межтекстових зв'язків.

Ключові слова: інтертекстуальність, «чуже слово», діалогічність, поліфонічність.

К.Л. Ковалева

ИСТОКИ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статье приводятся основные истоки теории интертекстуальности и их влияние на становление теории. Намечаются пути уточнения типологии межтекстовых связей.

Ключевые слова: интертекстуальность, «чужое слово», диалогичность, полифоничность.

Kovalyova K.L.

ORIGINS OF INTERTEXTUALITY THEORY

The article provides the main origins of intertextuality theory and their influence on the theory formation. Ways of specification of intertextual relations typology are outlined.

Key words: intertextuality, «strange word», interlocution, polyphony.

«Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено».

(М.М. Бахтин)

Постановка проблемы. Лингвистика текста в настоящее время является одним из наиболее активно исследуемых направлений современного языкознания. Подвергаются анализу как текст в целом, так и различные текстовые категории. Одной из таких наиболее привлекательных для исследования категорий в наши дни является категория интертекстуальности. Заметим, что термин «интертекстуальность» сколь употребителен, столь и неоднозначен.

Мы придерживаемся определения, данного в стилистическом энциклопедическом словаре русского языка: «*текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения*» [6, с. 104].

Интертекстуальность проявляется во всех

вербальных текстах, а также в текстах, построенных средствами иных знаковых систем. Интертекстуальные связи устанавливаются между произведениями изобразительного искусства, архитектуры, музыки, театра, кинематографа и даже мира моды, что дает все основания для последовательного изучения явления интертекстуальности, претендующей на роль универсального семиотического закона. Интертекстуальность стала неотъемлемым структурообразующим элементом и одним из ключевых художественных приемов литературы XXI века. Именно поэтому исследование ее представляется актуальным.

Феномен интертекстуальности вызывает интерес у философов, лингвистов, литературоведов, культурологов. Тем не менее, остаются спорными некоторые вопросы, понятия, не имеющие однозначной интерпретации, дискуссионными – истоки теории интертекстуальности.

Целью настоящей статьи является краткий обзор основных источников и положений, которые легли в основу теории интертекстуальности, а также выделяемых в научной литературе средств интертекстуальности.

Интертекстуальность, занимающая одно из ключевых мест среди коммуникативных стратегий современной культуры, исследовалась в разное время как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Это работы И. Арнольд, Р. Барта, М. Бахтина, Ф. Бацевича, И. Гальперина, Г. Денисовой, Ж. Дерриды, Ж. Женетта, А. Жолковского, И. Ильина, Т. Космеды, Ю. Кристевой, Н. Кузьминой, Р. Лахманн, Ю. Лотмана, Н. Петровой, М. Риффатера, И. Смирнова, П. Торопа, Н. Фатеевой, В. Чернявской, У. Эко, М. Ямпольского и др. ученых.

Изложение основного материала. Понятие интертекстуальности, как правило, обсуждается в контексте постмодернизма, но американские исследователи интертекстуальности Дж. Стил и М. Уортон считают, что феномен, получивший в 60-е гг. XX века название «интертекстуальность», существует со времен начала письменной цивилизации человечества и излагают историю интертекстуальной теории, начиная с диалогов Платона. С появлением первых исследований различных текстов – о заимствованиях, образных и сюжетно-тематических переключках, намеках, полемической интерпретации мотива – можно говорить о возникновении теории интертекстуальности [9, с. 2].

На этих же позициях стоят и некоторые другие исследователи, в частности М. Пфистер, считая, что этот феномен отнюдь не ограничивается постмодернистской литературой. Только в современной постмодернистской литературе интертекстуальность является определяющим структурным принципом, в то время как в предыдущие эпохи – лишь одним из литературных приемов наряду с другими [8, с. 207-224]. Для постмодернизма характерно «обнажение» интертекстуальности, а элементы интертекста становятся текстообразующим фактором, *«на первый план вынесен полилог культурных языков»* [4, с. 11]. Интертекстуальность стала «осознанным приемом» постмодернизма [там же, с. 9].

Сам термин «интертекстуальность» возник в рамках постструктуральной научной парадигмы и был введен французской исследовательницей семиотики Ю. Кристевой в статье «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967) для обозначения общего свойства текстов – наличия связей между ними, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Теория Ю. Кристевой непосредственно вытекает из диалого-полифонической концепции М. Бахтина. Хотя основания истоков теории интертекстуальности лежат еще глубже. М. Ямпольский

называет три основных источника теории интертекстуальности – это теории анаграмм Ф. де Соссюра, полифоническая концепция М. Бахтина и учение о пародии Ю. Тынянова (1919, 1929). Несомненную ценность для теории интертекстуальности представляет историческая поэтика А. Веселовского (1893), работы русских формалистов П. Медведева и В. Волошинова – «круг Бахтина», теория эволюционного развития литературного произведения (Шкловский, 1983; Жирмунский, 1977; Томашевский, 1925). Остановимся на основных положениях вышеназванных теорий.

Исследования анаграмм швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром, в которых ученый показал, что древнейшие сакральные индийские тексты — гимны «Ригведы» — зашифровывали в своих словосочетаниях имена богов, которые нельзя было писать или произносить явно (имя бога всегда под запретом), т.е. текст гимна содержит дополнительную, «зашифрованную» информацию, без декодирования которой текст теряет смысл [5, с. 640]. При этом порядок элементов в анаграммах представляет собой не столько горизонтальную ось, сколько вертикальную, выход на иной текст, интертекстуальность. М. Ямпольский считает, что принцип анаграммы соотносим с принципом интертекстуальности, когда цитируемый текст вложен в цитирующий текст неявно, его надо разгадать. Явление, открытое Ф. де Соссюром, наглядно показывает, каким образом один текст может включаться в другой.

В начале XX века русский филолог А. Веселовский развивал теорию «бродячих сюжетов», основываясь на учении представителей мифологической и антропологической школ. Он полагал, что на сходство сюжетов может влиять одинаковое психическое развитие народов, а также корни поэзии, уходящие в глубь язычества. Ученый утверждал, что сюжеты – это не застывшие формы, а постоянно обновляющиеся, пополняющиеся, возрождающиеся. Большинство сюжетов заимствовано и распространено в связи с переселением народов. По теории А. Веселовского, так же, как и позже по теории интертекстуальности, необходимо исследование не одного отдельно взятого текста, а текста в связи с другими текстами.

Основополагающими для теории интертекстуальности стали идеи М. Бахтина о «чужом слове» и диалогичности, являющиеся отправной точкой построения современной теории межтекстовых связей, хотя некоторые положения, связанные с понятиями диалога и диалогизма, находим еще в трудах по герменевтике В. Гумбольдта и Ф. Шлейермахера.

Текст художественного произведения, по мнению М. Бахтина, представляет собой «полотно», сотканное из высказываний разных субъектов речи, или из нескольких «голосов». Говоря о

многоголосии в одном произведении, ученый вводит термин «полифоничность». М. Бахтин развивает свою теорию диалогичности текстов применительно к жанру романа, так как в нем соединяется два или несколько текстов – голосов, присутствующих в словах героев, высказываниях автора в виде «своего-чужого» слова, цитатах, мотивах и т.п. Термин «чужое слово» восходит к теории, согласно которой все слова для каждого человека делятся на «*маленький мирок своих слов (осознаваемых как свои) и огромный безграничный мир чужих слов*» [1, с. 347-348]. Ученый первым высказал мысль о том, что текст связан особыми отношениями не только с элементами системы языка, но и с другими текстами. «*За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным, неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан)...*» [там же, с. 283-284].

Ученый приходит к выводу о том, что «*текст <...> своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы. Взаимосвязь всех смыслов (поскольку они реализуются в высказываниях). Диалогические отношения между текстами и внутри текста. Их особый (нелингвистический) характер*» [там же, с. 299]. М. Бахтин считает любой текст диалогичным, т.е. представляющим собой диалог автора со всей предшествующей и современной ему культурой. Развитие литературы ученый видит как постоянный творческий диалог между текстами, вследствие чего образуется «великий интертекст» культурной традиции.

Идеи М. Бахтина о «чужом слове» и диалогичности явились отправной точкой для построения современной теории межтекстовых связей.

Определенный вклад в развитие теории интертекстуальности внесли исследования Ю. Тынянова о пародии. Он (как и Бахтин) видел в пародии фундаментальный принцип обновления художественных систем, основанный на трансформации предшествующих текстов. Эволюционный процесс художественного произведения, заключается в «перепеве» нового на основе старого. «*Эволюция литературы, в частности поэзии, совершается не только путем изобретения новых форм, но и, главным образом, путем применения старых форм в новой функции*» [7].

Пародия выступает как двуплановый текст, сквозь который «сквозит», по выражению Ю. Тынянова, текст-предшественник. По существу, весь смысл пародии возникает только при ее соотнесении с предшествующей традицией, которая обяза-

тельно включается в чтение пародического текста. За планом произведения стоит другой план, пародируемый. В пародии обязательна неувязка обоих планов, их смещение; пародией трагедии будет комедия, пародией комедии может быть трагедия. Неувязка, смещение планов в пародии имеют принципиальное значение, так как через них в пародийном тексте происходят глубинные семантические сдвиги, запускается механизм смыслообразования. Но этот механизм реализуется именно через смещение плана одного текста по отношению к другому. Это положение – наличие и одновременная реализация смыслов двух текстов для понимания последнего – становится принципиальным для теории интертекстуальности.

В рамках теории эволюционного развития, сторонниками которой являлись В. Шкловский, В. Жирмунский, Б. Томашевский, выдвигался тезис о том, что основной движущей силой эволюции литературного текста является система взаимоотношений между самими литературными произведениями; все заимствования, включенные во вновь созданные литературные тексты, являются обновленными литературными формами и поэтому принадлежат только создателю произведения. Ученые не только фиксировали включения, но и классифицировали их.

Важно отметить, что каждое следующее исследование в области интертекстуальности переосмысливает и расширяет границы предыдущих. Так, Ю. Кристева переосмысливает концепцию М. Бахтина. В отличие от М. Бахтина, Ю. Кристева рассматривает понятие диалогичности как безличное, сверхсубъектное, т.е. диалог межтекстовый, а любой текст – как открытую структуру: «*...любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению*» [3, с. 429]. Любой текст ведет диалог с другими текстами и, в свою очередь, является основой будущих текстов – такое свойство Ю. Кристева назвала интертекстуальностью.

Исследовательница отрицает традиционные для литературоведения рассуждения об «авторских влияниях» и «текстовых источниках», утверждая, что все знаковые системы создаются, трансформируя все предыдущие знаковые системы. Таким образом, литературный труд является не просто продуктом одного автора, но продуктом его отношений с другими текстами и со строем самого языка.

Основная идея теории Ю. Кристевой сводится к тому, что текст в процессе интертекстуализации постоянно трансформируется, переосмысливается, преобразуется, и это говорит об откры-

тости текста. Следовательно, он перестает быть изолированным объектом, включается в широкий круг дискурсов.

В дальнейших исследованиях идея диалогичности текста, провозглашенная М. Бахтиным и развитая Ю. Кристевой, проявилась в двух моделях интертекстуальности – так называемой широкой концепции универсального интертекста (интертекстуальность рассматривается как универсальное свойство текста вообще: «всякий текст есть интертекст») и узкой концепции тематизированной интертекстуальности (как специфическое свойство отдельного текста).

Современные ученые, кроме анаграмм, пародий, «бродячих сюжетов» выявили и другие проявления интертекстуальности.

Рассматривая теорию интертекстуальности в широком радикальном смысле, исследователь Ю.Б. Борев, например, выделяет следующие типы художественных взаимодействий: заимствование, влияние, эпигонство, пародирование, подражание, цитация, репродукция, реминисценция, вариация, намек, парафраза, соперничество, концентрация [2, с. 41-47]. Приведенная типология дает представление о литературном процессе, о системе культурного диалога.

В рамках узкой концепции интертекстуальности большинство исследователей (Н. Фатеева, Н. Кузьмина, И. Арнольд и др.), разрабатывающих типологию межтекстовых взаимодействий, выделяют цитаты, аллюзии, центонные тексты, реминисценции, пересказ, плагиат, стилизацию и др. В этом случае интертекстуальность ограничена умеренно маркированными включениями.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Рассмотренные источники позволяют сделать вывод о том, что теория интертекстуальности берет свое начало задолго до осмысления ее постструктуралистами. Истоки теории интертекстуальности прослеживаются в теории анаграмм Ф де Соссюра, в теории «бродячих сюжетов» А.Н. Веселовского, в учении М.М. Бахтина о полифонии, в исследованиях Ю.Н. Тынянова о пародии, в теории эволюционного развития литературных текстов русских формалистов.

Обращение к феномену интертекстуально-

сти является закономерным результатом современного этапа развития лингвистики текста. Продолжаются исследования интертекстуальности как с литературоведческой, так и с лингвистической точки зрения. В перспективе нашего исследования – анализ интертекстуальности произведений Б. Акунина, уточнение типологии средств и знаков интертекстуальности, а также выявление закономерностей функционирования их в постмодернистском тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин. – М.: 1986. – 445 с.
2. Борев Ю. Художественные взаимодействия как внутренние связи литературного процесса / Ю. Борев // Теория литературы. Том IV. Литературный процесс. – М. ИМЛИ РАН. Наследие, 2001. – С.41-47.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. [Перевод Г.К. Косиков] – 1993. – № 4. – С. 429.
4. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Монография / Марк Наумович Липовецкий. — Екатеринбург, 1997. — 317 с.
5. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр: пер. с франц. [под ред. А.А. Холодовича] // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под редакцией М.Н. Кожинной]. — М.: Флинта: «Наука», – 2003. – 696 с. Режим доступа: <http://stylistics.academic.ru/41/Интертекстуальность>
7. Тынянов Ю.Н. О пародии / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 284-309. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/tynyanov/pilk/poet7.htm>
8. Pfister M. How Postmodern is Intertextualiti? / M. Pfister // Intertextuality («Интертекстуальность») Ed. Heinrich F. Plett. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, – 1991. – 268 p.
9. Worton M., Still J. Intertextuality: Theories and Practices / M. Worton, J. Still. – Manchester, New York: Manchester UP, – 1990. – p. 2.